

Э. В. Молодякова

На протяжении всех послевоенных десятилетий, казалось бы, частная религиозная проблема, связанная со святилищем Ясукуни (*Ясукуни дзиндзя*), периодически оказывается в центре внимания Японии и сопредельных стран. Она не только вызывает поляризацию мнений в японском обществе, но и становится причиной дипломатических конфликтов с соседними государствами, в основном с КНР и Республикой Корея. В основе всего комплекса внутривнутриполитических и внешнеполитических аспектов этой проблемы лежат отношения между государством, властью, идеологией, политикой и религией.

На протяжении тысячелетий существования человечества религия являлась организующим началом общества. Этот сложный социальный институт вобрал в себя все богатство народной жизни, в том числе верования, мораль, право, эстетику. По сей день практически во всех обществах она продолжает оставаться существенным компонентом их жизнедеятельности, достаточно независимым от экономики и политики. Но бывает и так, что религия становится послушным инструментом в руках правящих элит, не останавливающихся перед использованием ее для создания атмосферы нетерпимости внутри страны и для провоцирования межнациональных конфликтов. В частности, политика правящих кругов Японии по использованию религии в политических целях, ее превращение в инструмент государственной власти, манипулирование ею в период от реставрации Мэйдзи (1868) до окончания второй мировой войны, речь идет о так называемом «государственном синто» (*кокка синто*), – все это, помимо негативного опыта, сказалось на положении национальной религии японцев в настоящее время и во многом способствовало появлению «проблемы святилища Ясукуни».

С древних времен в японской национальной религии синто присутствовала идея государственности. Император как ее первосвященник сохранял свое место в иерархии общества даже в период отстранения от политической власти. Во многом это помогало сохранению роли национальной религии как общей для всех японцев идеологии в период укоренения и широкого распространения буддизма, который был идеологической опорой централизованного государства. Государственный синто стал не более чем культом поклонения божественным предкам императора.

В мэйдзийский период (1868–1912) правительство сделало государственный синто своей идеологией, духовным орудием возрождения власти императора. Позже он стал источником милитаристской и агрессивной политики. Новая идеология опиралась на древний принцип единства религиозного ритуала и управления государством (*сайсэй итти*), который был восстановлен сразу после реставрации Мэйдзи. Он продолжал действовать, несмотря на то, что принятая в 1889 г. конституция гарантировала независимость религии от государства. Идея государственного синто впервые была высказана в документе, подготовленном в 1871 г. министерством религиозного образования, в котором выдвигался тезис «святилищам – государственное вероисповедание». По мнению К. Сакамото, «соединение этого тезиса со структурой государства есть ядро процесса формирования государственного синто»¹.

Возрождение синто, долгие годы пребывавшего на заднем плане ввиду безраздельного господства буддизма, преследовало не только собственно религиозные цели. Оно подчинялось задаче сплочения нации и укрепления государственности на основе религиозного сознания. Ритуалам синто был придан характер государственных актов, что способствовало выхолащиванию религиозной составляющей. По мнению религиоведа Орикути Синобу, государственный синто отказался от религиозных постулатов и, по сути, превратился в систему обрядов и ритуалов. Другими словами, он обрек себя на положение квазирелигии. Признавая свободу вероисповедания, государство в то же время поставило синто над всеми религиями. Он получил эксклюзивные права на главную роль в национальных ритуалах. Была установлена иерархия святилищ, принадлежавших к высшей категории, им было даже запрещено заниматься отправлением повседневных служб. Моральное воспитание в школах сводилось к усвоению религиозных догматов. Произошло полное подчинение религии государству.

С помощью государственного синто новая элита страны утверждала свою власть, восстанавливала императорское правление и добивалась национальной стабильности. При выборе модели императорской власти рассматривался, в частности, и русский вариант, поскольку лидерам новой Японии импонировали теснейшие связи русской православной церкви с царем. Как известно, в монархической России она была главной церковью, и к ней было приписано большинство населения. Русская православная церковь не была самостоятельной уже со времени татаро-монгольского ига, когда князья начали подчинять ее своей власти. В Японии при изначально тесной связи религии и государства явной зависимости одной религии от власти до середины XIX в. не было.

¹ Сакамото К. Кокка синто кэйсэй катэй-но кэнкю (Изучение процесса формирования государственного синто). Токио, 1994, с. 20.

В государственном синто главной была идеологическая сторона. Из синто взяли лишь нужное в то время правящей элите возвеличивание императорской династии. Согласно конституции 1889 г. «Японской империей должна управлять и над ней должна царствовать непрерывная в веках линия императоров»². Комментатор конституции Ито Хиробуми полагал, что и буддизм, и синто утеряли свою власть как религии и не могут служить духовной опорой нации. Эта роль отводилась только императору. Он писал: «Император ведет свое происхождение от неба; его происхождение священо и божественно; он поставлен выше всех своих подданных. Он должен быть чтим и неприкосновенен»³. Другими словами, император, чей род ведет свою непрерывную историю на протяжении тысячелетий, являлся духовным ядром новой идеологии.

Подобные взгляды разделяло подавляющее большинство политиков того времени. В духовной жизни общества значимость императора, который по-прежнему оставался первосвященником синто, сравнивали со значимостью христианства в странах Запада. Некоторые специалисты не без основания расценивали культ богини солнца *Аматэрасу* – «пра-родительницы императорской династии», как своего рода христианизацию синто, т. е. превращение его в монотеистическую религию⁴. Однако усвоение западной цивилизации, которую формировало христианское мировоззрение, шло без принятия самого христианства. Оно не нужно было модернизовавшемуся японскому обществу, которое имело свою духовную основу – государственный синто. Государственная поддержка синто отчасти была мерой отстаивания национальных идеологических принципов в период начальной вестернизации Японии.

Именно в этом контексте следует рассматривать зарождение проблемы святилища Ясукуни. Признание императора духовным ядром новой идеологии повлекло за собой определенное изменение синтоистской обрядности, введение некоторых новых понятий, разработки новых ритуалов. Это способствовало появлению уже в послевоенный период мнения о том, что для решения проблемы святилища Ясукуни теологи могли бы изменить некоторые синтоистские доктрины и приспособить их для решения вновь возникших политических проблем, о чем речь ниже.

Одновременно появилась идея создания специального святилища, где бы исполнялись обряды для умиротворения душ воинов, павших в междоусобных войнах за императора. Сначала оно называлось «Сёконся», как и обряд умиротворения душ умерших. Первое здание для него было построено в 1868 г. в Киото. Но когда столицей стал Токио, в том

же году на холме Кудан, недалеко от императорского дворца, для святилища было воздвигнуто грандиозное здание. В нем стали почитать души уже всех людей, отдавших жизнь за императора. Списки погибших являются объектом поклонения (*синтай*) в этом святилище. В то время в них числилось 3585 душ воинов. После переноса в Токио *Сёконся* получило статус национального святилища, а с 1879 г. стало называться «Ясукуни», что означает «мирная страна», или «мирно управляемая страна», получив ранг особого императорского святилища. Знаковый статус Ясукуни дзиндзя подчеркивался тем, что оно находилось не в ведении министерства внутренних дел, как другие святилища, а в ведении министерства армии и военно-морского флота, которое назначало в него священнослужителей, а также министерства императорского двора, что свидетельствовало о его теснейшей связи с императором.

Согласно концепции *кокутай* (государственный организм), которая представляет собой специфическую японскую государственную общность, объединяющую императора, народ и собственно острова в естественное единое целое⁵, император олицетворял собой государство, и потому верность ему считалась основным принципом решения о том, кого обожествлять в святилище Ясукуни. Классический пример – один из героев реставрации Мэйдзи Сайго Такамори не почитается здесь потому, что в 1877 г. возглавил знаменитое Сацумское восстание самураев, которое было направлено против нового правительства страны. Таким образом, в случае с Ясукуни дзиндзя чрезвычайно важную роль играла идеология.

В основе обрядности Ясукуни дзиндзя лежал древний праздник умиротворения в святилищах душ умерших (*митама о иваидо-ни сидзумуру мацури*, сокращенно: *митама сидзумэ* или *тинконсай* в китайском прочтении иероглифов), который был призван поддерживать эти души в стабильном состоянии. Согласно синто душа (дух *тама*) присуща всей природе, поскольку она рождена, а не сотворена божественной парой богов-демиургов *Идзанами-Идзанаги*. *Тама* – концентрация духовной энергии – является источником жизни, покинув тело, она продолжает существовать, поэтому ее надо успокаивать, воздавать почести, умиротворять, поминать. Живущие почитают и утешают души умерших предков и различных божеств *ками*, тем самым они как бы восполняют запас жизненной энергии друг друга. *Митама мацури* унаследовал элементы культа *горё*, т. е. поклонения душам людей, погибших трагически или при необычных обстоятельствах. Основа церемонии – успокоение душ этих людей, дабы отвлечь бедствия, которые они могут наслать. С этим же понятием связана церемония *ирэйсай*, посвященная умиротворению душ погибших насильственной смертью, которая проводится в Ясукуни дзиндзя и в его филиалах. Согласно

² Японцы о Японии. СПб., 1904, с.530.

³ Там же, с. 34.

⁴ Бунгэй синдзю. 1995, № 6, с.38.

⁵ Подробнее см.: Молодяков В. Э. Консервативная революция в Японии. М., 1999, гл. 2–3.

древним памятникам, вера в возмездие со стороны разгневанных духов приняла форму веры в то, что разного рода политические потрясения, болезнь, смерть в первую очередь угрожают императорам. Таким образом, сразу закладывалась связь святилища Ясукуни с императорским домом.

Древние японцы верили, что души умерших покидают тело, но остаются вблизи их прежних жилищ. Духи, продолжающие свое существование, не связаны с конкретным телом (в отличие от христианской концепции воскресения). Более того, считалось, что со временем они утрачивают свою индивидуальность и сливаются с главным духом предков, который обитает по соседству в лесу или на горе. Эта вера, очевидно, появилась в результате соединения поклонения предкам и анимизма. Именно из этой веры проистекает чрезвычайная важность ритуала *дайджэсай*, который является центральной частью обрядности интронизации в Японии. Она принципиально отличается от европейской церемонии коронации, главным в которой является передача законных прав и власти прежнего монарха преемнику. После этого объявляют о восшествии на престол нового монарха. В Японии ритуал передачи императорских регалий *сансю-но дзинги* преемнику совершается сразу же после кончины императора, а ритуал *дайджэсай* происходит позднее⁶.

Этот ритуал связан с участием каждого нового императора в уборке риса, которая проводится в первую осень после восхождения на престол. Этим ритуалом подтверждается законность прав императора через мистическое единение с общим духом предков. На протяжении всей истории главной церемонией восшествия на престол был *дайджэсай*, ключевой момент в котором, как уже говорилось, является передача духа императора. В мэйдзийскую эпоху появляется так называемая концепция «духа императора» *тэннорэй*, согласно которой преемственность «духа императора» дает право наследования новому императору. Другими словами, в японской традиции интронизации важную роль играет духовная преемственность⁷. Преемственность по линии духа и крови обеспечивает непрерывность японской императорской династии.

Превращение синто в инструмент государственной политики шло вразрез с адаптивным религиозным сознанием японцев. Выделение одной религии нарушало баланс между синто и буддизмом, поскольку японцы воспринимали обе религии, так сказать, на паритетной основе. Впрочем, разрушить древнюю традицию сосуществования религий так и не удалось.

Из-за государственного синто, который, как уже говорилось, был теснейшим образом связан с милитаристской идеологией, в послевоенные

годы национальная религия напрямую ассоциировалась с существовавшим в предвоенные и военные годы тоталитарным режимом и проводимой им политикой. Во многом именно эта ассоциативная связь вкупе с другими факторами негативно сказалась на положении синто в контексте религиозной жизни в послевоенной Японии. Проблемы синто были обусловлены гораздо более тесной, если не сказать теснейшей, по сравнению с другими религиями, связью с жизнью народа, его менталитетом, культурой, политикой.

По инициативе оккупационных властей уже осенью 1945 г. был принят ряд документов, направленных на то, чтобы раз и навсегда ликвидировать государственный синто. Специальной директивой штаба союзных оккупационных войск «Об отмене государственного покровительства, увековечивания, управления и распространения государственного синто» от 15 декабря 1945 г. население полностью освобождалось от необходимости исповедовать официально поддерживаемую государством религию. Всем официальным лицам, находящимся при исполнении служебных обязанностей, запрещалось участие в проводимых в святилищах церемониях, оказание любой финансовой поддержки из общественных фондов, но разрешалась частная финансовая помощь любым святилищам.

Одновременно было проведено разграничение между государственным синто, который рассматривался, как официальная политика правительства и определялся как «нерелигиозный национальный культ», и собственно синто. После отделения от государства и очищения от милитаристской и ультранационалистической риторики синто получил те же права, что и другие религии, и обрел статус религиозного юридического лица. Он стал рассматриваться как традиционная религиозная практика, осуществлявшаяся на протяжении всей истории страны, имеющая непосредственное отношение к жизни людей. В соответствии с этим, Ясукуни дзиндзя стало независимым религиозным юридическим лицом. Оно не вошло в Ассоциацию синтоистских святилищ, которая объединила большинство из существовавших тогда 80 тыс.

Принятые документы были направлены на ликвидацию государственного синто, но, безусловно, затрагивали многие сферы жизни населения ввиду их неразрывной связи с национальной религией. Прежде всего, сфера образования была очищена от упоминания или использования синто в любой форме и любыми средствами. Но сделать это было не всегда просто. Ведь синто в широком понимании представляет собой базу формирования мировосприятия и мироощущения японцев и в определенной степени является ядром национальной культуры.

Немаловажным фактором для решения проблем синто в послевоенные годы стало определение статуса императора и отношение к проводимым при его непосредственном участии синтоистским ритуалам.

⁶ См. подробнее: Nihonjin no reikon to Yasukuni Jinja. – Voice. 2003, August, p. 98–109.

⁷ Орикути Синобу. Дайджэсай-но хонги (Истинная сущность дайджэсай). Токио, 1928, с.

Принципиальный подход был найден, император был признан «символом государства и единства народа, его статус определяется волей всего народа, которому принадлежит суверенная власть»⁸. Однако на протяжении всего послевоенного периода не раз «всплывали» те или иные аспекты проблемы. Как известно, в новогоднем обращении к нации 1 января 1946 г., которое известно как «Декларация человека» (*Нингэн сэнгэн*), император Сёва фактически публично отказался от своего божественного происхождения. Другими словами, он сменил статус «живого бога» на статус обычного человека. Но с теологической точки зрения, как в личной беседе разъяснил автору этих строк известный религиовед М. Сонода, понятие *нингэн сэнгэн* означает отказ не от древней традиции *акицумиками*, а от *арахитогамии* – новой абсолютистской интерпретации мэйдзийских времен, передающей понятие «живой бог»⁹.

Отречение от «божественного происхождения» было вызвано, очевидно, тем, что император и правящая элита сочли необходимым сохранить преемственность японской государственности. Стержнем такой преемственности явилось сохранение института императорской власти и определение нового статуса императора. Религиозный ритуал императорского двора утратил государственное значение и стал частным делом императора, который юридически утратил функции верховного исполнителя общенационального религиозного обряда, на чем и основывался его религиозный авторитет как первосвященника синто. Весь комплекс проблем, связанных с императорским домом, был законодательно урегулирован, и таким образом отношения императора с синто утратили легитимную основу.

Однако постепенно намечается тенденция возрождения государственного или, точнее сказать, общественного характера ритуалов императорского двора, которые включали около 30 ежегодных ритуалов. Они были объявлены частным делом императора и совершались им сначала только в дворцовых святилищах. Но уже с начала 50-х годов предпринимаются попытки вывести религиозную деятельность императора за рамки дворца, и появляется тенденция придать некоторым синтоистским обрядам характер общественных актов. Наиболее ярко эта тенденция обозначилась во время проведения ритуала престолонаследия Акихито, ныне здравствующего императора. Поскольку средства для проведения всех необходимых церемоний выделялись управлением делами императорского двора, то они обретали характер государственного акта.

Все сказанное выше помогает понять, откуда появилась современная проблема Ясукуни дзиндзя. Постоянно муссируемая в последние два-три десятилетия эта проблема касается не только и не столько значимости

святилища как такового и проводимых в нем религиозных обрядов. Она связана не только с государственным синто и с тем, как толковать проводимые в нем церемонии – как чисто религиозные или имеющие характер государственных актов, но и с тем, как относиться к национальной истории, как толкуются те или иные события в стране и за рубежом. Речь идет, прежде всего, о различных оценках событий второй мировой войны Японией, Китаем и Южной Кореей, об ответственности Японии, в частности тех политиков и военных, которые вовлекли страну в войну. Вопрос об ответственности за войну до сих пор тесно увязывается с вопросом о том, насколько справедлив был Международный военный трибунал для Дальнего Востока (МВТДВ). Поскольку этот трибунал проводился победителями, то у многих японцев оставалось ощущение, что это не только юридическая процедура, но и политическая акция. Но, безусловно, нельзя отрицать, что Япония причинила огромный ущерб и страдания соседним азиатским странам в результате своей агрессии и колониального правления. Не случайно бывший премьер-министр Дз. Коидзуми официально подтвердил, что Япония официально признала решения МВТДВ. Другими словами, проблема святилища Ясукуни представляет собой сложный комплекс взаимосвязанных внутри- и внешнеполитических проблем – идеологии, восприятия истории, международных отношений.

Что касается религиозной составляющей проблемы Ясукуни дзиндзя, то, согласно синтоистской традиции, японцы верили в общение живых с душами умерших. Наиболее древним вариантом такого общения считается ритуал *дайдзёсай* в системе интронизации, другим – *митама мацури* в святилище Ясукуни, во время которого совершается чисто религиозный обряд успокоения душ умерших. Это относится не только к ушедшим близким, но и ко всем умершим, в том числе погибшим на войне или отдавшим свою жизнь на общее благо людей. «Поэтому для японцев, – пишет М. Сонода, – также органично проведение *мацури* в память погибших на войне, как и в честь почитания *ками*. Думаю, что потребность в успокоении душ своих павших героев... – это важная составляющая часть религиозных чувств японцев. Если пренебрегать такими чувствами, то можно поставить под угрозу само будущее Японии. Успокоение душ погибших солдат очень важно сейчас, когда прошло 50 лет после окончания войны. Когда мы станем думать обо всех, кто отдал жизни за нас – не только на войне, но и в различных других случаях, то мы преисполнимся благодарностью ко всем окружающим. Это полностью отличается от проведения обрядов просто ради утверждения ультранационализма»¹⁰. В этих словах и скрыта суть проблемы Ясукуни дзиндзя: трактовать эту церемонию – как чисто религиозную или как государственный акт со всеми вытекающими последствиями, т. е. привносить идеологические и политические соображения.

⁸ Современная Япония. М., 1973, с. 756.

⁹ См. подробнее: Молодякова Э. В. Историческая преемственность: император Сёва. – Япония второй половины XX века. Проблемы и судьбы. М., 2003, с. 34–54.

¹⁰ Сонода Минуру. Мир синто. М., 2001, с. 63.

Особый довоенный статус Ясукуни дзиндзя, который был наиболее важным святилищем после святилищ императорского культа (*дзингу*), сразу же сказался на его положении в послевоенный период. Все святилища приобретали в собственность территории, занимаемые их зданиями и подсобными помещениями, необходимыми для проведения религиозных мероприятий, для устройства садов и парков, а также заповедные зоны, в которых они располагались. Только Ясукуни дзиндзя и его филиалы *гококу дзиндзя*, признанные проповедниками милитаризма из-за поминания в них душ погибших на войне, первоначально были лишены этого права. Они получили в собственность участки, на которых находились их здания, лишь после вступления в силу Сан-Францисского мирного договора в 1952 г. В то время в Ясукуни дзиндзя поклонялись уже душам 2,5 млн. воинов.

Особенностью святилища Ясукуни является отсутствие на его территории каких-либо захоронений, останков или реликвий, нет даже могилы неизвестного солдата. Здесь никогда не проводились церемонии похорон. Останки погибших солдат, в основном во время второй мировой войны, были переданы семьям, которые почтили их соответствующими похоронными службами в буддийских храмах (в Японии похороны в подавляющем большинстве проводятся по буддийским канонам), а прах захоронили на местных кладбищах. Дань памяти погибшим воинам отдается так же, как и всем умершим. Но, очевидно, на подсознательном уровне у многих японцев сохраняется вера в то, что святилище Ясукуни является своего рода «священной горой», где обитают души погибших воинов.

По установившейся с довоенных лет традиции, душа каждого погибшего на войне или военной службе называется *эйрэй*. Теперь павший воин принадлежит государству, т. е. соединяется с ним в единое целое. С этого момента его имя заносится в списки *ками* Ясукуни дзиндзя. Оставшиеся в живых родственники в принципе лишаются возможности «заботиться» о нем. Погибший отныне «не принадлежит семье», как все другие предки, а «принадлежит» государству, потому только святилище Ясукуни имеет право отправлять поминальную службу по нему. Несмотря на ряд протестов здравствующих родственников, выступающих против включения погибших близких в списки *ками*, или требующих исключения из них, все остается по-прежнему¹¹.

Основная масса «обожествленных» появилась после окончания второй мировой войны. После подписания Сан-Францисского мирного договора сразу же началась кампания по освобождению из тюрем всех, кто был осужден по решению Международного военного трибунала для Дальнего Востока. Одновременно началось движение за выплату государственных пенсий семьям тех, кто был приговорен к смерти по

приговору МВТДВ или умер в тюрьме. По японским законам пенсии не выплачивались тем, кто был приговорен судом к трем и более годам заключения. Однако парламент принял закон, согласно которому признанные виновными по приговору МВТДВ не считаются преступниками с точки зрения японских законов, а, наоборот, признаются жертвами войны. Все без исключения политические партии поддерживали этот закон, который был частью проводимой пенсионной реформы.

В 1959 г. началось «обожествление» в Ясукуни дзиндзя лиц, признанных МВТДВ виновными в военных преступлениях. Военные преступники класса «В» и «С» (согласно английскому алфавиту) причислялись к списку душ воинов, почитаемых в святилище. Немаловажную роль в этом процессе сыграло Бюро помощи репатриантам прежнего министерства здравоохранения и социального обеспечения, где получили работу многие бывшие военные и заняли там руководящие посты. Таким образом, правительство косвенно помогало святилищу обретать новых «обожествленных». Например, предоставляло всю необходимую для этого информацию о погибших: имя, год и место рождения, звание, к какой части принадлежал, где и когда погиб, отказывая в таких просьбах другим религиозным организациям. К концу 50-х годов все находившиеся в заключении военные преступники были помилованы в соответствии с процедурой, одобренной союзными державами.

Именно сотрудники Бюро помощи репатриантам предоставили для почитания в Ясукуни дзиндзя в 1966 г. список имен главных военных преступников класса «А»: семеро из них были казнены через повешение, еще семеро умерли в тюрьме. Однако тогдашний настоятель святилища Цукуба Фудзимаро, представитель ветви Ямасина императорской семьи, этого не сделал. По мнению главного редактора газеты «Асахи» Вакамия Ёсибуми, это было связано с тем, что в то время парламент обсуждал законопроект о возвращении Ясукуни дзиндзя статуса государственного святилища (в общей сложности вносился пять раз), и было бы неразумным предпринимать достаточно сомнительные действия по причислению главных военных преступников к почитаемым в этом святилище¹². В 1978 г., когда преемником почившего настоятеля стал бывший флотский офицер, не признающий решения МВТДВ Мацудайра Нагаёси, (сын бывшего министра двора Мацудайра Цунэо), 14 главных военных преступников были включены в списки Ясукуни дзиндзя. При этом святилище определило их как «мучеников эры Сёва»¹³.

История кампании за восстановление государственного статуса Ясукуни дзиндзя подробно освещена в отечественной литературе¹⁴.

¹² Japan Echo. 2005. vol. 32, October, № 5, p. 24.

¹³ Мураками Сигэёси. Сюкё-но Сёваси (История религии в эпоху Сёва). Токио, 1985, с. 43.

¹⁴ См. например, Т. Г. Сила-Новицкая. Культ императора в Японии. Мифы. История. Доктрины. Политика. М., 1990; Маркаръян С. Б., Молодякова Э. В. Праздники в Японии. М., 1990.

¹¹ Hardacre Helen. Shinto and the State 1868–1988. Princeton University Press. 1989, p. 148.

Напомним лишь, что впервые с подобной инициативой выступили Японская ассоциация семей погибших на войне (*Нихон идзоку кай*), часть правого крыла правящей Либерально-демократической партии, местные отделения Лиги ветеранов войны (*Гою рэммэй*), Ассоциация синтоистских святилищ и ряд правых организаций. Наиболее проницательные и дальновидные политики считали подобные действия весьма сомнительными, например, один из трех премьеров-долгожителей на политическом Олимпе Сато Эйсаку, хотя среди его друзей были некоторые военные преступники класса «А» (Кая Окинори, Судзуки Тэйити). Он полагал, что следует отделять дружеские отношения от проблемы превращения Ясукуни в государственное святилище¹⁵. Требование восстановить государственный статус Ясукуни дзиндзя в послевоенные годы не раз подкреплялось ссылками на то, что в других странах имеются различные мемориалы, где отдается дань памяти погибшим во время различных войн.

После окончания оккупации и обретения полной независимости предполагалось рассматривать святилище Ясукуни как мемориал погибших в войне, где высокие иностранные гости воздавали бы им почести. После отказа в 1953 г. вице-президента США Р. Никсона посетить святилище в таком качестве правительство в 1959 г. установило неподалеку от него (в Тидоригафути, район Тиёда) монумент неизвестным жертвам войны (*мумэй сэнсися бё*). Это вызвало резкий протест со стороны священнослужителей Ясукуни дзиндзя и их сторонников. В 1986 г. премьер-министр Я. Накасонэ уподобил Ясукуни дзиндзя могиле Неизвестного солдата на Арлингтонском национальном кладбище в США. Но здесь представители любой конфессии могут проводить поминальные службы, что абсолютно невозможно в случае святилища Ясукуни, которое принадлежит только синтоистской конфессии.

Более того, данное святилище принципиально отличается от других мемориалов тем, что, как уже говорилось, ни в нем, ни на его территории не имеется никаких захоронений. Об этом мало кто знает за рубежом. Министр иностранных дел Японии Асо Таро рассказывает о том, что его однажды спросили: «Где в Ясукуни захоронены останки военных преступников класса «А», которые были повешены?» Спросивший был чрезвычайно удивлен, услышав, что они похоронены в буддийском храме Коа Канон в г. Атами, преф. Сидзуока. Общий прах, кремированных в одной печи, в 1952 г. разделили на семь частей: шесть раздали семьям (отказалась только семья Хирота, так как прах всех перемешался), одну захоронили под Нагоя, где в 1959 г. был поставлен камень, надпись на котором выполнил премьер-министр первых послевоенных лет Ёсида Сигэру¹⁶.

Святилище Ясукуни как религиозное учреждение представляет собой часть исторической памяти народа, в том числе и солдат, которые были против войны, но шли в бой по приказу государства. Есть свидетельства того, что солдаты перед боем обычно говорили друг другу: «встретимся в Ясукуни». Вполне можно принять точку зрения Того Кадзухико, внука военного преступника класса «А» Того Сигэнори, бывшего министром иностранных дел в кабинете Тодзио, который начал войну, и кабинета Судзуки, при котором она закончилась. Он говорит, «что следует уважать национальную память о том, что многие солдаты умирали с уверенностью, что воссоединятся в Ясукуни дзиндзя. Это важное национальное наследие. Тем, кто бережно хранит память об отцах, мужьях и других родственниках, будет трудно принять любое другое место скорби, кроме святилища Ясукуни»¹⁷.

В настоящее время не существует никакой проблемы с проведением торжественной мемориальной церемонии, которая проводится ежегодно 15 августа, когда отмечается годовщина окончания второй мировой войны, а также с почитанием погибших на войне в обычных синтоистских святилищах и военных преступников класса «А» в буддийском храме Содзидзи в г. Иокогама. Проблема почитания военных преступников наряду с другими павшими воинами вызывает острейшие споры лишь в связи с Ясукуни дзиндзя, ввиду его особого исторического положения. Высказывается идея создания филиала святилища, где поминались бы только военные преступники класса «А» (передается понятием «*бунрэй*»). Предполагается, что это будет отдельное святилище наподобие Того дзиндзя, посвященного памяти заслуженного адмирала, героя войны с Россией в 1904–1905 гг. Но это невозможно сделать, во первых, исходя из традиционного отношения японцев к предкам и миру духов, во-вторых, поскольку в Ясукуни сохранится почитание военных преступников класса «В» и «С».

Альтернативой такому предложению является идея удаления из списков Ясукуни имен главных военных преступников, что передается понятием «*бунси*». Ярый противник такого предложения нынешний настоятель святилища Намбу Тосиаки, объясняя невозможность такого подхода, приводит следующее образное сравнение. Можно долить в чайник чашку воды, но после уже нельзя вылить из него ту же чашку¹⁸. Кроме того, в силу исторической традиции, особенности мировосприятия и мироощущения, приходя в это святилище, люди все равно будут отдавать дань памяти всем погибшим, не озабочиваясь их делением. В этом смысле можно принять объяснение бывшего премьер-министра Дз. Коидзуми о том, что осенью 2006 г. во время большого осеннего праздника Ясукуни дзиндзя он посетил его «как и все граждане».

¹⁵ Тьюо корон. 2005, август, с. 36.

¹⁶ Japan Echo. 2006, vol. 33, October, № 5.

¹⁷ Far East Economic Review. 2006. June.— <http://www.feer.com/2006/0606/free/p005.html>

¹⁸ Japan Echo. 2006, vol. 33, April, №2, p.13.

Проблему святилища Ясукуни усложняет находящийся в его ведении военный мемориальный музей Юсёкан. Он был перестроен в 2002 г. и представляет собой весьма впечатляющее сооружение. В нем представлена довоенная и военная история Японии так, как она интерпретируется руководителями Ясукуни дзиндзя. Это стало возможным в соответствии с послевоенным законодательством, которое не допускает вмешательства правительства в дела управления религиозными организациями. Однако это – не национальный военный музей, в концепции которого была бы представлена вся полнота истории. По мнению Того Кадзухико, «Ясукуни дзиндзя – не то место, где должен быть представлен лишь односторонний взгляд на историю страны. Святилище Ясукуни, возможно, сыграло полезную роль, сохраняя традиции и взгляды предвоенной Японии. Но сегодня, спустя 60 лет, когда существует разнообразие взглядов на войну, пришло время для Ясукуни вернуться к его главной функции – скорбеть в соответствии с синтоистской традицией по тем, кто отдал жизнь за свою страну. Функции Юсёкан должны быть отделены от Ясукуни дзиндзя, а в случае необходимости перенесены в другое место»¹⁹.

В последние годы среди парламентариев дискутируется проблема создания нового национального мемориала, где воздавались бы почести «всем погибшим в войнах, в которые Япония была вовлечена с эпохи Мэйдзи (1868–1912)». Предполагается, что его сооружение должно субсидировать правительство. Новый открытый для представителей всех конфессий мемориал, очевидно, снял бы многие противоречия в отношениях с соседними странами и полностью отвечал бы принципам японской конституции²⁰. Другими словами, речь идет о сооружении нейтрального, нерелигиозного национального мемориала павшим в войне.

Однако подобная идея пока не встречает особой поддержки в обществе. Еще в середине 80-х годов прошлого века была создана дискуссионная группа для обсуждения проблемы нового мемориала, но никаких результатов ее деятельность не дала. Подобная деятельность оживилась, когда в парламенте была создана «специальная группа по сооружению мемориального объекта». В нее вошли видные деятели Либерально-демократической партии (ближайший соратник бывшего премьера Коидзуми Ямадзаки Таку, бывший генеральный секретарь кабинета министров Фукуда Ясуо, ветеран ЛДП Като Коити) и поддержавшие их председатель Демократической партии Хатояма Юкио, генеральный секретарь новой Комэйто Фуюсиба Тэцудзо.

Такой мемориал мог бы посещать император, который прекратил посещения *Ясукуни дзиндзя* после обожествления в нем военных преступников. Со стороны управления императорского двора делались не-

определенные намеки на то, что император Сёва перестал посещать святилище, поскольку ему было неприятно почитание там главных военных преступников. Совсем недавно были обнародованы записи и дневники крупного чиновника управления императорского двора Томита Томохико, в которых подтверждается, что причиной отказа от посещения Ясукуни дзиндзя являлось недовольство императора фактом почитания там главных военных преступников. «Вот почему я перестал посещать святилище. Это я делаю по велению сердца»²¹. Однако, несмотря на преклонный возраст, император Сёва всегда присутствовал 15 августа на общенациональных поминальных службах по погибшим в войне.

Проблема «обоожествления» военных преступников в *Ясукуни дзиндзя* в настоящее время приобрела особую остроту в отношениях Японии с соседними странами, которым японские войска принесли огромные страдания во время второй мировой войны. Во многом современная проблема святилища *Ясукуни* – политическая, ставшая своего рода разменной картой в большой дипломатической игре. Формальным поводом претензий соседних стран к Японии служит «обоожествление» в святилище военных преступников, что якобы означает реабилитацию военных преступлений. В самом японском обществе существует мнение о том, что Ясукуни дзиндзя навязывает свое видение и толкование истории страны, о чем свидетельствует, в частности, музей Юсёкан.

Действительно, все послевоенные годы в стране не утихают дискуссии по проблемам национальной истории, ее интерпретации. Япония в условиях высоких темпов экономического роста стремительно приближалась к уровню высокоразвитых стран. Кроме того, был успешно пересмотрен в сторону обретения большего партнерства Японо-американский договор безопасности. В этой связи вполне естественно усиление интереса к осмыслению собственной истории (тем более что в 1968 г. широко было отпраздновано столетие реставрации Мэйдзи), традиционных духовных ценностей, к проблемам этнической психологии, вопросам культурной самобытности. В настоящее время национальная история стала одной из важнейших форм национального самосознания и национальной самоидентификации, а потому проблемы ее толкования и восприятия представляют сугубо практический интерес. Вопрос о преподавании национальной истории в средней школе, разработка учебников постоянно находятся в центре внимания политиков и общества²².

Как уже говорилось, предпринимались неоднократные попытки провести через парламент законопроект о передаче святилища Ясукуни

¹⁹ См.: Far East Economic Review. 2006, июнь.

²⁰ Асахи симбун. 10.11.2005.

²¹ См.: Japan Echo. 2005, vol.32, October, № 5, p. 25–26.

²² Подробнее см.: Молодяков В. Э. Восприятие национальной истории в современной Японии. – Японский опыт для российских реформ. 2004, вып. 2, с. 72–80.

в ведение государства, т. е., по сути, вернуть ему довоенный статус главного синтоистского святилища для военных. Пожалуй, ни одно событие, связанное с приданием синтоистским ритуалам государственного значения не вызывало такого общественного возмущения в стране и за рубежом, как официальные визиты правительственных чиновников во время *митама-мацури* в святилище Ясукуни. Думается, здесь принесено много политических моментов, не имеющих отношения к самой религиозной церемонии. В значительной степени это связано с тем, что, как уже подчеркивалось, обрядность Ясукуни дзиндзя исходно напрямую соотносилась с государственным синто, а само святилище было важнейшим инструментом воспитания воинственного духа и лояльности по отношению к императору, прославляя тех, кто погиб в боях за него. После войны религиозные лидеры святилища утверждали, что их главная цель не восхваление погибших, а просто дань памяти им. Как вполне справедливо отмечает М. Сонода: «Очень важно то, что, устремляясь в бой, они верили – их смерть послужит основой создания лучшего будущего в родной стране, не испытывая при этом никакой ненависти к противнику»²³.

Непосредственным поводом для развертывания кампании вокруг святилища Ясукуни служат посещения его первыми лицами государства, которые имеют давнюю историю. Еще в октябре 1945 г. премьер К. Сидэхара почтил в Ясукуни дзиндзя память всех погибших в ходе второй мировой войны. Это повлекло за собой жесткий запрет со стороны Штаба оккупационных войск членам правительства участвовать в поминальных службах святилища. С.Ёсида, пять раз занимавший пост премьер-министра, трижды посещал Ясукуни дзиндзя как официальное лицо. Его преемники Н. Киси, Х. Икэда, Э. Сато, К. Танака поступали также соответственно два, пять, одиннадцать и пять раз. И это не вызывало никаких проблем. Во время премьерства Т. Мики (1974–1976) в правительстве впервые обозначились разногласия по поводу того, как высшие должностные чины могут посещать Ясукуни дзиндзя – как официальные или как частные лица. С 1975 г., начиная с Мики, премьер-министры совершали паломничества как частные лица, то же делали и депутаты парламента. Нарушил установленный порядок в 1985 г. Я. Накасонэ, который расписался в книге посетителей как глава правительства²⁴. Разумеется, речь идет об официальном посещении 15 августа церемонии поминовения погибших воинов (*косики самтай*). С 1978 г., после объявления о почитании здесь главных военных преступников и по 1984 г. премьеры 20 раз посещали святилище, но только с 1985 г. китайское правительство стало делать из этого серьезную дипломатическую проблему.

²³ Сонода Минору. Мир синто, с. 89–90.

²⁴ Иомиури симбун.. 29.07.2001, утренний выпуск

Я. Накасонэ совершил *косики самтай* в сороковую годовщину поражения Японии во второй мировой войне, несмотря на то, что комитет по законодательству палаты представителей парламента признал еще в 1980 г. участие министров в церемониях святилища Ясукуни в качестве официальных лиц неконституционным. Затем специальная комиссия при генеральном секретаре кабинета министров, изучавшая проблему Ясукуни дзиндзя, пришла к выводу, что посещение членами правительства этого святилища не противоречит конституции, если при этом не соблюдаются синтоистские ритуалы, а выражаются лишь «общечеловеческие чувства».

Объясняя свое решение, Я. Накасонэ заявил: «Посещение состоялось в соответствии с пожеланиями японского народа почтить память погибших на войне. Этот акт подтверждает стремление к миру и недопущению повторения войны»²⁵. Одновременно он заявил, что «ходил туда не для того, чтобы почтить дух Тодзио (премьер-министр военного времени. – Э. М.). Мой младший брат погиб на войне, и его дух пребывает сейчас в Ясукуни. Я ходил к нему»²⁶.

Официальное посещение церемонии в Ясукуни дзиндзя Я. Накасонэ было продуманным и осознанным поступком. Он никогда не скрывал, точнее, всегда подчеркивал свою приверженность традиционным духовным ценностям, истории страны, которая так или иначе связана с синто, поскольку эта религия – ядро всей национальной культуры японцев. Однако при этом Накасонэ воздержался от соблюдения синтоистского обряда *хайрёй*, включающего два поклона, хлопок ладонями, еще один поклон и подношение нескольких монет. Он просто поклонился и бросил в специальный ящик монеты, которые считаются подношением святилищу, а не божествам.

Это был период активного оживления националистических настроений, нашедших отражение в кампании по переоценке событий недавнего исторического прошлого, по пересмотру преподавания отечественной истории в школах. Все это вызывало бурные протесты Китая, но пока проблема Ясукуни и обожествленных в нем военных преступниках не возникала. Вспомним, что Япония прочно заняла место среди индустриальных демократий мира, стала полноправным членом западного сообщества и встала на путь укрепления своей роли в международных делах, которая была бы адекватна ее экономическому потенциалу. Новый внешнеполитический курс связывался с именем Я. Накасонэ.

Посещая в 1985 г. церемонию в святилище Ясукуни в соответствии со своими убеждениями, он не ожидал бурной реакции протеста, особенно среди азиатских стран, бывших в свое время жертвами японской агрессии. Особенно жестко выступил Китай, впервые заявив, что при-

²⁵ Нихон кэйдай симбун. 28.10.1985.

²⁶ Приводится по: Japan Echo. 2006, vol. 33, April, № 2, p. 11.

стально следит за проблемой Ясукуни²⁷, и что визит Накасонэ причинит боль азиатским соседям Японии. В то время Япония как раз активизировала свою азиатскую политику. Не желая обострять отношения с соседними странами, в последующие годы Накасонэ и другие премьеры воздерживались от посещения молебствий в Ясукуни дзиндзя (*ко-сики сампай*). Прагматичный Я. Накасонэ так объяснил свою позицию: «Международные отношения – это не улица с односторонним движением. Настроения азиатских народов требуют особого внимания. Если мы не сможем добиться консенсуса в международных отношениях, то, в конце концов, нанесем ущерб интересам собственной страны. Если Япония окажется изолированной от остальной Азии, порадуется ли это духи тех солдат, которые считали, что умирают во имя интересов Азии?»²⁸

Другими словами, возобладали политические соображения, а сама суть религиозной церемонии *митама сидзумэ* отошла на второй план.

В середине 90-х годов Китай представил свою позицию протеста против посещений японскими премьерами святилища Ясукуни как выражение чувств китайского народа. Стоит заметить, что и внутри Японии существует оппозиция политики правительства в отношении визитов главы государства в Ясукуни дзиндзя, которая смыкается с позицией Китая. В целом можно признать, что это своего рода политическая спекуляция, поскольку нет юридической стороны вопроса, за исключением лишь вопроса о том, не являются ли визиты в Ясукуни дзиндзя нарушением 20-й статьи конституции, признающей равенство всех религий. Нарушением такого равенства священнослужители других конфессий считают посещение первыми лицами государства именно синтоистского святилища Ясукуни. Они даже подавали в суд иск, требуя признания посещения бывшего премьер-министра этого святилища неконституционными действиями.

В последнее время Китай настойчиво разыгрывает карту Ясукуни дзиндзя в отношениях с Японией, накаляя обстановку. Это привело к резкому ухудшению двусторонних политических отношений на фоне расширяющихся экономических связей. Осложнению отношений в немалой степени способствует постоянно растущее геополитическое соперничество двух государств, споры о событиях второй мировой войны. В японском обществе, с одной стороны, бытует мнение о том, что спор вокруг святилища Ясукуни может быть решен исключительно за счет изменения позиции Китая, который цинично использует вопрос о главных военных преступниках как историческую карту с целью оказать дипломатическое давление на Японию. С другой стороны, высказывается мнение о том, что Японии следовало бы сделать первый шаг на

пути уступок, поскольку с исторической точки зрения виновата все-таки она, и это бы повысило ее моральный престиж.

Остроту в отношении с сопредельными странами добавили ежегодные, начиная с 2001 г., посещения святилища Ясукуни Дз. Коидзуми, который занимал высший пост в стране пять лет, став третьим политическим долгожителем после Сато и Ёсида. Следует заметить, что Коидзуми посещал святилище в основном во время так называемых больших весенних и осенних праздников *рэйсай*, которые проводятся ежегодно в определенный день, воздерживаясь от визитов 15 августа. Тем не менее, в частности, осенью 2005 г. после его посещения святилища во время *рэйсай* развернулась ожесточенная кампания, особенно со стороны Китая, которая привела даже к нарушению согласованной повестки встреч лидеров двух стран.

Создавалось впечатление, что своими посещениями Коидзуми в определенной степени провоцировал Китай, осложняя тем самым азиатскую дипломатию Японии. В зарубежных, в основном азиатских средствах массовой информации, периодически появляются сообщения о том, что Япония недостаточно извинилась перед народами региона, хотя японские лидеры делают это регулярно, а также дается претенциозная трактовка посещений Ясукуни дзиндзя высшими лицами государства, как «попытка возвеличить японский милитаризм прошлого».

В ответ на подобные заявления, как бы подводя итог, японское правительство высказало свою официальную позицию относительно посещения премьер-министром Дз. Коидзуми святилища Ясукуни в 2005 г. В частности, в нем говорится, что ошибочно рассматривать такое посещение «как попытку возвеличить японский милитаризм прошлого». Премьер-министр ясно заявил, что цель его визитов – выразить глубокое уважение и благодарность множеству людей, погибших на войне, и он делает это не ради главных военных преступников. Кроме того, Япония признала решения Международного военного трибунала для Дальнего Востока. Он подчеркнул, что «Япония своей агрессией и колониальным правлением нанесла огромный ущерб и причинила страдания народам многих стран, особенно в Азии». Премьер-министр неоднократно заявлял, что Япония должна честно воспринимать эти факты истории в духе смирения, с чувством глубокого раскаяния и искреннего сожаления. Он подтверждал готовность Японии «вносить свой вклад во всеобщий мир и процветание, высоко ценя отношения доверия с другими странами»²⁹. Коидзуми подтвердил эту позицию, выступая на Азиатско-африканском саммите в апреле 2005 г., и повто-

²⁷ Асахи симбун. 07.09.1985.

²⁸ Цит. по: Japan Echo. 2006, vol.33, April, № 2, p. 13.

²⁹ Принципиальная позиция правительства Японии относительно посещения премьер-министром Коидзуми Дзюньитиро святилища Ясукуни. – Документ МИДа Японии. 2005, октябрь; Заявление премьер-министра Коидзуми Дзюньитиро. – Документ МИДа Японии. 17.08.2005.

рил ее в августе в заявлении по поводу 60-й годовщины окончания второй мировой войны.

В японском обществе существует большой разброс мнений относительно посещений главой правительства Ясукуни дзиндзя. Сторонники посещений исходят из того, что для любой нации вполне естественно отдавать должное и почитать тех, кто отдал жизнь за свою страну. При этом, естественно, такое почитание выражается способами, которые различаются в соответствии с историей, культурой и традициями каждой страны. Это – исключительно внутреннее дело, в которое не могут вмешиваться другие страны. Приведем несколько примеров.

По мнению главного редактора газеты «Йомиури» Ватанабэ Цунэо, японские премьер-министры не должны прекращать свои посещения Ясукуни дзиндзя только потому, что против этого выступает Китай или Южная Корея. Действительно, «японцы совершали преступления, убивая жителей других стран, – пишет он, – однако миллионы японцев также были убиты. Большинство из тех, чьи духи сейчас почитаются в святилище, были жертвами. Следует отличать убийц от жертв. Нам также следует обратить внимание на степень ответственности тех, кто совершал преступления. Мы должны разобраться с собственным прошлым, с учетом позиции Китая и Южной Кореи»³⁰. Он полагает, что Японии надлежит улучшить свои отношения с соседними странами. Это потребует от нее изучения своей истории, честного признания того факта, что Япония вела агрессивные войны, и об этом должен знать ее народ. И тогда, по его мнению, и Китай, и Республика Корея прекратят свою постоянную критику в адрес Японии. Такая позиция представляется достаточно сбалансированной, в которой учтены внутри- и внешнеполитические аспекты.

Такахара Канако, президент Международного университета Акита, настаивает лишь на внешнеполитическом аспекте. Он полагает, что продолжение таких посещений необходимо, дабы не создавать превратного мнения, что Япония поддается давлению китайской стороны и ее можно принудить к компромиссу, наращивая затем вмешательство во внутренние дела страны. Он характеризует двусторонние отношения как дипломатическое противостояние, к которому привлечено внимание международного сообщества, и уступка Китаю ослабит положение Японии³¹.

Противники таких посещений настаивают на том, что японские лидеры должны считаться с чувствами людей в других странах и избегать действий, которые могут оскорбить их соседей и подорвать дружеские отношения. Но главным признается определение отношения к войнам, которые вела Япония в 30-40-е годы прошлого столетия. В частности,

эксперт по проблемам Ясукуни дзиндзя из Токийского университета Такахаси Тэцую призывает, прежде всего, избавиться от негативного наследия милитаристского прошлого. Это, по его мнению, гораздо важнее отношений с Китаем и Южной Кореей³².

При разности подходов сторонники и противники посещений премьер-министрами Ясукуни дзиндзя сходятся в том, что японцы должны самостоятельно, без посторонней подсказки, решить эту проблему. Ее решение лежит как в религиозном, так и политическом плане. Ни к какой мере нельзя забывать о том, что в Японии, несмотря на грандиозные катаклизмы за последние сто с лишним лет, никогда не прерывалась связь веков, всегда сохранялась традиция, не происходило искоренения религиозного сознания, которое превращает духовную жизнь общества в пустыню и разрушает традиционную культуру. Подобную ситуацию можно было наблюдать в России на протяжении почти семидесятилетнего господства коммунистической идеологии.

Вся история Японии, так или иначе, связана с синто, поскольку он – ядро всей культуры, в которой на протяжении веков утверждались и сохранялись свои особенности, несмотря на широкое заимствование континентальной культуры. Национальная религия дает возможность каждому японцу осознать свою самоидентификацию, поскольку синто укоренился у них в подсознании. Как уже отмечалось, многие серьезные конфликты, возникающие в различных частях земного шара, уходят корнями в противостояние религий, ибо религиям единобожия (так называемые авраамические религии) присуща нетерпимость к иной вере. Синто (с его пантеизмом и отсутствием воинственности), сформировавший адаптивное религиозное сознание японцев, может дать «информацию к размышлению», как формировать религиозное сознание в направлении веротерпимости. Не менее ценен опыт синто по преодолению использования его как инструмента государственной политики. Возможно, это поможет русской православной церкви, которая была правящей в условиях унитарного монархизма, не пытаться отстаивать свое преимущество уже в совершенно других социально-экономических и политических условиях. Возможно, осознание современными поколениями японцев того, что представляет собой национальная религия, поможет понять, что представляет собой святилище Ясукуни и не создавать особой проблемы вокруг него. Другими словами, вполне возможно разрешение внутривнутриполитического аспекта проблемы.

Также очевидно и то, что проблема Ясукуни дзиндзя требует политического решения. Последние шаги, предпринятые бывшим премьер-министром С. Абэ, свидетельствуют о намерениях японской стороны снять остроту проблемы и искать пути выхода из сложившегося тупика в отношениях с сопредельными странами. В начале января 2007 г. он

³⁰ Japan Echo. 2006, vol. 33, № 2, p. 11.

³¹ The Japan Times. 26.07.2005.

³² Ibid.

совершил паломничество в одно из важнейших святилищ связанных с императорским культом – Мэйдзи дзингу³³. Оно посвящено императору Мэйдзи и его супруге. По словам С. Абэ, он часто посещает это святилище, поскольку оно расположено неподалеку от его резиденции. Очевидно, своим шагом он подавал сигнал консерваторам о том, что чтит национальную религию (это святилище в бытность премьер-министром посещал Мори Ёсио, отличившийся своими высказываниями о Японии как «стране *ками*»), но в то же время ищет альтернативу святилищу Ясукуни.

Нынешний премьер-министр Фукуда Ясуо не стал использовать проблему Ясукуни в своей предвыборной кампании. Его позиция дает основание предположить, что внешнеполитический аспект проблемы святилища Ясукуни на какое-то время будет урегулирован.

³³ The Japan Times. 07.01.2007.

Государственная политика Японии в сфере рождаемости

Д. В. Стрельцов

Содержание государственной политики в сфере рождаемости традиционно вызывает большие споры в развитых странах с постиндустриальным типом социальной системы, столкнувшихся с проблемой резкого сокращения естественного прироста населения, а в некоторых случаях – даже снижением самой его численности. Япония не составляет здесь исключения. Вместе с тем ее особенностью в настоящее время является исключительная острота и актуальность демографической проблемы, которая в настоящее время остается в повестке дня не только учреждений социального и экономического планирования, но и центральных органов государственной власти. Тема демографии получила «прописку» в парламенте, став объектом споров всех ведущих политических сил страны, каждая из которых выступила с собственной программой преодоления возникшего кризиса. Другими словами, нация почувствовала всю остроту данной проблемы, масштаб которой поставил ее в категорию угроз национальной безопасности. Руководство страны осознало тот факт, что от путей и методов решения демографического вопроса будет зависеть не только благосостояние будущих поколений, но и само выживание нации в долгосрочной перспективе.

Попытаемся кратко изложить суть демографического кризиса современной Японии, в рамках которого проблема низкой рождаемости занимает ключевое место. Уместно отметить, что снижение рождаемости в Японии началось еще в довоенный период, когда экстенсивная демографическая модель, опирающаяся на потребность в воспроизводстве рабочих рук в низкопроизводительных отраслях экономики, прежде всего в сельском хозяйстве, стала постепенно заменяться индустриальной моделью с умеренным типом воспроизводства. Однако в связи с большими людскими потерями во второй мировой войне сразу после ее окончания в стране возник «бэби-бум». Он характеризовался крайне высокими показателями рождаемости. Так, в 1947 г. коэффициент суммарной рождаемости (среднее число детей, родившихся у одной женщины в течение ее жизни) был равен 4,54, а общее число рожденных за год детей составило около 2,7 млн. человек.

Однако уже в 50-е годы в стране наметилось снижение рождаемости, связанное с успехами послевоенного восстановления и ростом благосостояния населения. Кроме того, свою роль сыграло принятие в 1948 г. законодательства, легализующего аборт по немедицинским